

После смерти его душа стала легкой и медленно выплыла из тела, поднявшись в воздух.

Он холодно наблюдал, как эти люди с радостью и весельем устраивают его похороны. Всего, чего он был лишен при жизни, он сполна получил после смерти. Какое жестокое лицемерие.

Он прожил на свете больше шестидесяти лет, и не нашлось ни одного человека, который бы искренне поплакал по нему.

Та женщина, когда увидела, что он умер, сначала была в шоке. Но тут же пришла в себя, стерла кровь с его головы и преподнесла все так, будто он скончался от ранения на ноге.

Затем она собрала всех женщин в семье и пошла к старшему сыну скандалить, заявив, что их собака загрызла ее отца. Жена старшего сына заплатила огромную сумму, и только тогда она ушла, торжествуя.

В их обычно пустом дворе внезапно стало многолюдно. Люди щелкали семечки, болтали о пустяках, сидели по сторонам и что-то шили, слушая разговоры. Его сын, которого он растил столько лет, стоял в стороне и вежливо беседовал с односельчанами, улыбаясь.

Какая оживленная сцена! Жаль только, что участвовал в ней он не в теле, а в виде духа.

Он пробыл во дворе несколько дней, и никто не пролил ни единой слезы, даже для вида. Те, кто любил сплетничать в деревне, привыкли к подобному и даже не упрекнули их в неблагодарности.

Чжан Шу в глазах односельчан был человеком совершенно никчемным, который в любой ситуации прятался за спины, никогда ни с кем не спорил и был известен как первый в деревне подкаблучник и тряпка. Его все презирали, поэтому никто не считал поведение родственников чем-то зазорным.

Он больше не мог смотреть на это и изо всех сил пытался уйти. Но душа его была словно скована невидимыми цепями, и он не мог покинуть пределы двора.

Чжан Шу был в ужасе. Вся его храбрость ушла в тот последний удар головой, и теперь он не знал, что делать.

Если ему придется вечно оставаться здесь и смотреть, как эта «семья» счастливо живет, то лучше бы он умер еще раз!

Чжан Шу пришел в ярость. Ему вдруг подумалось: почему за ним до сих пор не пришли Черный и Белый Владыки? Неужели и они решат победить его за то, что он был слишком добрым?

Он яростно рванулся к воротам, но даже волосок не мог вылететь за пределы двора. Люди сновали туда-сюда, проходя сквозь него. Его смешной вид развеселил маленького мальчика лет двух, который смотрел на него и смеялся.

Чжан Шу смягчился. Его собственные внуки никогда не были к нему привязаны, а тут ребенок так радостно на него смотрит.

Он хотел подойти, но тут появилась мать ребенка:

— Дабао, чему ты улыбаешься?

Мальчик хотел показать пальцем, но Чжан Шу в этот момент вернулся в ветхую хижину,

поэтому ручка ребенка указала в ту сторону, куда он ушел, и остановилась на ярко-красном гробу перед хижиной.

— Дядя! — звонко и чисто прозвучал детский голос.

Мать ребенка побледнела: у гроба никого не было, а ребенок говорит, что видит дядю! Она в панике схватила ребенка на руки и выбежала со двора.

Вскоре все узнали эту новость. Говорили, что у детей самые зоркие глаза и они видят то, что не видно другим! А если это существо появилось среди бела дня, значит, оно очень сильное!

Теперь все еще яростнее стали ругать Чжан Шу. Беспольный человек и после смерти остался бесполезным, даже свой собственный гроб и место для духа не смог уберечь, позволив какому-то бродячему призраку занять его место!

Чжан Шу сам не понимал, почему после смерти он принял облик двадцатилетнего юноши. Но, вернувшись к молодости, он словно помолодел душой, перестав быть таким угнетенным и задавленным жизнью, каким был в шестьдесят.

К панике окружающих он относился со странным удовлетворением. Раньше даже деревенские дети смело называли его в лицо «большим чурбаном» или «тупицей». Теперь, когда он умер, все его боялись.

«Так пусть же все они уйдут!» — подумал Чжан Шу. Ведь во всем дворе у него не осталось ни одного родного человека. Он не хотел всю оставшуюся вечность витать рядом с ними.

Но, кроме того ребенка, никто его не видел. Он пытался их толкнуть, подсесть, но проходил сквозь них впустую.

Чжан Шу засомневался: видимо, он и вправду ни на что не годен, раз даже став призраком не может никому навредить. Он опустился на корточки в углу и начал горько упрекать себя.

Вечером подношений на алтаре стало заметно больше. Появился человек, похожий на даоса, с палкой, к которой был привязан лоскут белой ткани. Он помахал ею над гробом, что-то бормоча, затем глаза его сверкнули, и он громко крикнул:

— А ну пошел вон!

После этого он словно обмяк, лишившись всех сил:

— Это нечисть, наевшаяся жертвенной пищи, был изгнан мной. Можете не беспокоиться!

У Линян принесла мешок с деньгами и с тысячами благодарностей проводила даоса. Сначала, услышав новость, что сын Вана тронулся умом, она подумала, что старик вернулся за мстью, но оказалось, что его место занял кто-то другой. Это было до смешного! Даже если бы он вернулся, она бы не испугалась!

Настал день похорон. Чжан Шу надеялся, что наконец-то получит покой, но как только вынесли гроб, он почувствовал, что и сам легко поплывет следом. Оказывается, он был привязан к своему телу! Неужели он сможет вернуться?

Мысль об этом была ему неприятна. По сравнению с этим жалким телом со сломанной ногой он предпочел бы, чтобы Владыки забрали его и дали переродиться, обретя свободу.

Но выбора у него не было. Даже не желая того, он был вынужден витать вокруг гроба.

Когда все обряды были соблюдены, процессия двинулась в путь. На полпути молча появился человек. Чжан Шу, находясь в духовном теле, чуть не заплакал. Это был его старший сын, его единственный родной сын.

Чжан Цинь был по-прежнему серьезен и немногословен. Лишь иногда на его строгом лице промелькивала тень горя. Для него этот отец, даже будучи слабым, был единственным, кто относился к нему хорошо.

У Линянь на удивление не устроила истерику при его появлении, не кричала и не ругалась — все-таки это были похороны.

Все молча пришли к огороженному месту на кладбище, опустили гроб в яму, выкопанную два дня назад, и принялись закапывать.

Жизнь Чжан Шу закончилась, превратившись в небольшой бугорок земли, к которому добавили еще и каменную стелу. Они поклонились, прочитали молитву и ушли.

Чжан Шу сидел у стелы, глядя на удаляющиеся спины, и чувствовал тоску. Похоже, ему предстоит провести здесь вечность в этом глухом месте...

На второй год, в день Цинмин, люди с подношениями потянулись к могилам предков. Обычно пустынное место вдруг оживило.

Чжан Шу от скуки дергал сорняки, выросшие на его могиле выше колена, с надеждой ожидая, что кто-нибудь придет и уберет здесь, выдернет траву.

Он умер в прошлом году, около зимнего солнцестояния, и пробыл здесь уже раз этак двести дней, точную дату он забыл.

Здесь его не забирали Владыки, другие призраки его не трогали. Будто в этом огромном мире он был единственным таким странным духом.

За это время он многое повидал. Например, как Ву Лаосань с края деревни тайком встречался с молодой женщиной из соседней деревни — Чжан Шу наблюдал за ними с холма. Но больше всего его удивило, что в их бедном краю зарыто огромное богатство.

Дело в том, что уезд Аньнин раньше был местом, где царили бедность и бандитизм. Десятки лет назад сюда приехал справедливый чиновник, решивший искоренить разбойников. Он переловил и перебил главарей шаек на всех окрестных горах, а остальных прислужников прогнал. Только тогда в уезде Аньнин воцарился настоящий мир.

Но никто не знал, что главарь самой свирепой банды на склоне Мэнху по прозвищу Тигр был дальновидным человеком и заранее припрятал часть награбленного золота и серебра в горе. Как бы он мог подумать, что не сможет этим воспользоваться, а сокровища так и останутся под землей, не увидев солнечного света.